

УДК 82.0 (470.621)

ББК 83.3 (2=Ады)

П 18

К.Н. Паранук

Художественное осмысление категории времени в современном адыгейском романе (Ю. Чуюко, Н.Кук))

(Рецензирована)

Аннотация:

Современный адыгейский роман об историческом прошлом чаще всего тесно связан с фольклорно-мифологическими истоками. Таковы романы Ю. Чуюко «Сказание о Железном Волке» и Н. Кука «Вино мертвых», где присутствие мифопоэтики обуславливает особенности пространственно-временного континуума. В статье ставится задача исследования влияния мифопоэтики на категорию времени, которая претерпевает определенную трансформацию, отмечается тенденция вытеснения линейно-исторического времени мифологическим, что позволяет говорить о наличии явления спатиализации.

Ключевые слова:

Мифологизм, циклическое время, линейно-историческое время, спатиализация, роман, пространственно-временной континуум.

Пространство и время взаимосвязаны и взаимообусловлены. По Бахтину, хронотоп – это «существенная взаимосвязь временных и пространственных отношений, художественно освоенных в литературе...» [1, 234]. Академик В.И. Вернадский выразился по поводу неразрывности этих двух категорий следующим образом: «Время является для нас не только не отделимым от пространства, а как бы другим его выражением. Время заполнено событиями столь же реально, как пространство заполнено материей и энергией. Это две стороны одного явления [2, 315].

Категория художественного времени в современном адыгском романе выражена многозначно, и можно выделить такие ее модели, как «историческое время», «мифологическое время», «обратимое время», «интегрирующее время», «остановившееся время».

Наиболее распространенным и разработанным из них является историческое время, которое, как известно, имеет такие свойства, как объективность, непрерывность, необратимость и линейность. Оно по сути своей не только противоположно, но и враждебно мифологическому времени с характерными для него циклическостью и обратимостью. Поэтому, по сло-

вам Элиаде, «человек архаических культур с трудом переносил «историю» и периодически пытался ее упразднить», преодолеть «ужасы истории» [3, 58].

В современном адыгейском романе выделяется мифологический модус времени, составляющий определенную оппозицию историческому времени. Остановимся на его характерных свойствах подробнее. Первая его особенность – это обращенность в эпоху изначального, по Мелетинскому, «это время первопредметов, перводействий и первотворения, оно отражено прежде всего в мифах творения–космогонических, антропологических, этногонических» [4, 252]. Элиаде, в свою очередь, отмечает, что мифологическое время стремится «аннулировать истекшее время, отменить историю посредством постоянного возвращения *во время оно*, посредством повторения космогонического акта» [5, 88].

Преодолевая пространство-время, человек переходит в вечность. Вечность же и есть циклизм, вечное повторение. Мифическое, циклическое или космическое время совпадает с Вечностью и одновременно противостоит историческому линейному. Концепция Вечности, циклизма проявляется также и в идее возрож-

дения и бессмертия. Е.П. Блаватская отмечала: «Время» есть лишь иллюзия, создаваемая последовательными чередованиями наших состояний сознания на протяжении нашего странствия в Вечности, и оно не существует, но «покоится во сне» там, где нет сознания, в котором может возникнуть Иллюзия» [6, 81].

Цикличность осуществляется посредством архетипического повторения действий и ритуалов, вечно возвращающих человека в мифическую эпоху первотворений.

Итальянский ученый XVIII в. Джамбаттиста Вико, создавший первую философию мифа («Новая наука») и предвосхитивший основные направления в развитии мифологической науки, представлял историю цивилизации в виде циклического процесса: божественная, героическая и человеческая эпохи выражают детское, юношеское и зрелое состояния общества и общего разума.

По концепции Н. Фрая, изложенной в книге «Анатомия критики» (1957г.), «история мировой литературы понимается как циркулирование по замкнутому кругу: литература сначала отделяется от мифа, развивая собственные, исторически обусловленные модусы, но в конечном итоге снова возвращается к мифу (имеется в виду творчество писателей-модернистов)» [7, 562].

Идея циклизма нашла отражение в адыгейском романе именно в последнее десятилетие XX века. Причиной тому послужили как стремление авторов углубиться в мир своих истоков и по-иному осмыслить пройденный адыгскими народами путь, так и поиски новых художественных средств. Мифологическое время стало серьезным подспорьем для Ю. Чуюко, Н. Куека, осуществив синтез настоящего с прошлым, а иногда – и с будущим. Следует при этом уточнить, что в одном и том же произведении зачастую сочетаются одновременно разные модели времени при выраженной доминанте одной из них. Особенно ярко это проступает в романах Н. Куека «Вино мертвых» и Ю. Чуюко «Сказание о Железном Волке». Обратимся к конкретным примерам.

Время имеет выраженный обратимый характер в романах рассматриваемых авторов. К прошлому времени – периоду средневековья и Кавказской войны XIX в. – возвращается Ю. Чуюко в «Сказании о Железном Волке».

Выраженный обратимый характер носит время и в романе «Вино мертвых» Н. Куека, где представлена вся триада: прошлое – настоящее – будущее, и далеко не всегда в хронологической последовательности.

«Сказание о Железном Волке» – это роман о настоящем, но с широкими экскурсами в прошлое. То есть события, описываемые автором в обеих частях романа, носят, с одной стороны, линейно-исторический характер, что особенно зримо сказывается в воспроизведении событий прошлого, так как здесь автор использует конкретные исторические документы: «Даховский отряд на южном склоне Кавказских гор в 1864 году» и «Перед национальной катастрофой. Приезд царя Александра II к абадзехам». Но одновременно время событий, отраженных в романе, носит прерывистый, обратимый характер, ибо события настоящего часто прерываются экскурсами в прошлое, главные герои Сэт Мазлоков, его дедушка Хаджекыз периодически ощущают не только связь времен, но и повторяемость многих ситуаций в истории своего народа. Такова, например, ситуация, сложившаяся с вынужденным переселением адыгских аулов в период Кавказской войны XIX века и в 60-х гг. XX века в связи со строительством кубанского водохранилища. То есть здесь мы видим уже проявления цикличности времени, сказывающиеся и в других ситуационных повторениях: Сэту зачастую «чудится», как он сидит у костра вместе с другими воинами – участниками Кавказской войны. Характер цикличности и обратимости придает изображаемому времени включение в контекст романа мифа о Железном Волке и эпических сказаний (о Тлепше, Сатаней, Сосруко). Идея цикличности времени выражена в романе Ю. Чуюко и в своеобразном пророчестве, связанном с античным мифом о Прометее. Автор и рассказчик Сэт Мазлоков убеждены, что «когда-то мир получил отсюда огонь, который обогрел все человечество... Дал ему свет. В том числе и духовный. И свет опять отсюда придет, с Кавказа» [8, 354].

В общей сложности художественное время романа является мифологичным, синтезируя отдельные его части, индивидуально соответствующие отрезкам объективно-исторического времени (события Кавказской войны), мифо-эпического времени (миф о Железном Волке, сказания о Тлепше, Сатаней, Сосруко, Адыиф).

К тому же события прошлого в романе имеют тенденцию к повторению, повествование о мифах (о Железном Волке, об Удачливом всаднике) и эпических героях: Тлепше, Сатаней, Саусоруко, Адыиф – автор дублирует событиями из настоящего, что придает категории времени характер цикличности. Лейтмотив единого образа времени связан с образом круга. И события, имеющие тенденцию к повтору, совершают один оборот, что составляет один цикл времени. Эти циклы могут быть большими и малыми, обозначая как определенные этапы в развитии истории адыгов (как, например, у Ю. Чуюко – выселение адыгских аулов во второй половине XIX в. и во второй половине XX в.), так и большие циклы в истории этноса как части общечеловеческой цивилизации (у Н. Куека – повествование о кончине богочеловека, «сотворенного Хаткоесами», и рождении нового героя, символизирующего начало нового рода Хаткоесов).

Еще более яркое сочетание исторического и мифологического времени с превалированием последнего имеет место в романе Н. Куека «Вино мертвых». Как уже прежде отмечалось, роман состоит из отдельных новелл, каждая из которых характеризуется индивидуальным качеством времени: если первая и две последние новеллы – это время мифа, то со второй по пятнадцатую новеллы изображают совершенно конкретные отрезки исторического времени, причем в хронологической последовательности, хотя и выборочно взятые из истории адыгов. Новелла «Так и будет» является логическим завершением триады прошлое – настоящее – будущее и в сугубо мифопоэтической традиции широко и обстоятельно рисует картины будущего Хаткоесов. Все они вместе взятые образуют один цикл времени, повествующий об истории адыгов. Последняя новелла «Он, этот бог, сотворен Хаткоесами», рассказывающая о смерти бога Тлепша, знаменует завершение этого цикла, а рождение его сына – молодого солнцеподобного героя – начало нового цикла. Таким образом, есть все основания утверждать, что время романа, взятое как целостная категория, есть мифологическое время, с выраженной цикличностью, но при этом оно состоит из отдельных фрагментов, имеющих характер историчности и линейности. Эти линейные исторические фрагменты времени, со-

ответствующие отдельным новеллам, в совокупности, как бы «закручиваясь», составляют круг, равный одному циклу. Повторы кругов этой условной спирали символизируют уже другой цикл, или новый виток истории. Отметим по ходу, что из анализируемых произведений только в данном романе полностью представлена вся триада: вчера-сегодня-завтра.

Особенности моделей времени в романе Н. Куека «Вино мертвых» обусловлены тем, что этот роман состоит из семнадцати самостоятельных новелл, каждая из которых характеризуется своей моделью времени. Поэтому есть смысл говорить как о едином характере времени всего романа, имеющем выраженные мифопоэтические черты, так и составных его частях, привязанных как к мифопоэтическому, так и линейно-историческому времени. К примеру, модель мифологического времени мы встречаем в новеллах «Кунтабеш и сын Хаткоесов», «Так и будет», «Он, этот бог, сотворен Хаткоесами». Вторая новелла «Хаткоес Дэдэр» представляет сочетание как мифологического времени с элементами цикличности, так и исторического времени (рассказ о службе мамлюка Осмеза в Египте). В следующих новеллах (третья – пятнадцатая) превалирует модель исторического времени, ибо их герои: Редед, Предводитель, Татлеустен, Амида, Великий князь, Мешвез, Четав, Тепсав, братья Махмуд и Долет, Последний – привязаны к конкретно-историческому времени. Но присутствие в контексте романа сквозных героев, живущих в вечности: три-бабушки, Ляшина, Фэнэса – придает времени обратимый, циклический характер. Зачастую и сами герои вспоминают себя в прошлых жизнях, как это случается с Дэдэром, братьями Махмудом, Долетом и т. д. Все это в совокупности формирует общее временное поле романа, которое носит явно выраженный мифологический характер с приметами цикличности, обратимости.

Для героев с трансцендентным сознанием: Ляшина, Тлепша – характерно также пребывание в так называемом безвременье, когда эти герои попадают в другие пространственно-временные измерения, где нет деления на прошлое, настоящее и будущее, где все сосуществует одновременно и происходит трансформация пространственно-временных параметров, смещение хронотопов и временных характеристик.

Время не членится на прошлое – настоящее – будущее у таких героев, как Дэдэр, трибабушки, Ляшин, для них оно (время) является триединой субстанцией. Эти герои обуславливают целостность структуры единого вселенского универсума, изображаемого в произведениях авторов, и расширяют параметры его бытия до вечности, бесконечности.

Модель интегрирующего времени встречается чаще всего в романах Н. Куека, особенно в романе «Вино мертвых». Ярким образцом подобной модели времени является новелла из романа «Вино мертвых», где описывается встреча героя из прошлого Кунтабеша (имя – перевертыш эпического витязя) и Хата, бывшего из будущего.

Одним из приемов воссоздания мифологического времени является сакрализация современными авторами различных циклов времени, связанных с солнечными ритмами. Почитание солнечных ритмов связано с солярными мифами. Древние люди чувствовали, насколько важно «попадать» в ритмы природы, строить свою жизнедеятельность в соответствии с ними. Это мироощущение зримо присутствовало в эпосе «Нарты».

В произведениях современных авторов имеют место отголоски подобного мировосприятия, связанные с мифомышлением адыгов. К примеру, героями этих романов наиболее часто сакрализуется время, связанное с восходом или закатом солнца. Это некое «пограничное время», решающее исход противостояния между светом и тьмой, добром и злом. И в этом смысле восход солнца, его нахождение в высшей точке зенита (полдень) воспринимаются как символ торжества позитивного над негативными оппозициями. Обратимся к примерам.

Для Предводителя из романа «Вино мертвых» сокровенное время, «святая минута» – это «время встречи со светом небес», «священный час» восхода солнца, когда «Воля Создателя выведет солнце из тьмы, и оно осветит грешную и суетную жизнь людей на земле...» [9, 108-109].

В романе Ю. Чуяко «Сказание о Железном Волке» в качестве «сокровенного часа» изображается предзакатный час. «Был тот самый

вечерний час, когда солнце, которое уже коснулось земли, на глазах плавилось и жаркою малиновой полосой растекалось в обе стороны по горизонту...» [10, 200].

Несмотря на обнаруживаемую в романах притягательность прошлого (романы Н. Куека, Ю. Чуяко), триада вчера-сегодня-завтра чаще всего предстает неделимой в мифопоэтических описаниях времени, что соответствует мифологическому мышлению.

Известный американский исследователь И. Франк в своей работе о спатииализации в современной литературе утверждает, что «мифологическое время вытесняет в современном романе объективное историческое время, поскольку действия и события определенного времени представляются в качестве воплощения вечных прототипов. Мировое время истории превращается в безвременный мир мифа, что находит выражение в пространственной форме» [11, 654].

Думается, есть все основания утверждать, что подобные процессы имеют место и в современном адыгском романе, где мифологическое время начинает вытеснять объективное историческое время.

Примечания:

1. Бахтин М. Формы времени и хронотопа в романе // Вопросы литературы и эстетики. М., 1975.
2. Вернадский В.И. Начало и вечность жизни. М., 1989.
3. Элиаде М. Космос и история: избранные работы. М., 1987.
4. Мифы народов мира: энциклопедия в 2 т. Т. 1. М., 1991. 671с.
5. Элиаде М. Указ. соч.
6. Блаватская Е.П. Тайная доктрина. Т. 1. М., 1991. 382 с.
7. Литературная энциклопедия терминов и понятий / Под ред. А.Н. Николюкина. – М., 2003. 1600 с.
8. Чуяко Ю. Г. Сказание о Железном Волке. Майкоп, 1993. 384 с.
9. Куек Н.Ю. Вино мертвых. Майкоп, 2002. 296 с.
10. Чуяко Ю.Г. Сказание о Железном Волке. Майкоп, 1993. 384 с.
11. Frank. Spatial Form in Modern Literature // The Widening Cyre New Brunswick. New York, 1963.